8 П-11

Трагедія чувства

„Сѣверн. пур.",

„Жизнь",

[redacted]

„Русское богатство",

[redacted]

Б. М. I 8.19
№2
П-11

И. И. П—скій

Трагедія чувства

6319

Критическій этюдъ

(по поводу послѣднихъ произведеній Чехова)

Существенное различіе идейной стороны творчества Чехова и Мопассана. Разсказъ «Дама съ собачкой»; психологія его героевъ. Идея произведенія. Повѣсть «Въ оврагѣ» и ея персонажи. Общій характеръ послѣднихъ произведеній Чехова. Формула чеховскаго творчества. Психологія пессимизма; сущность пессимистическаго міровоззрѣнія и его философская обоснованность. Воспитательное значеніе произведеній Чехова.

Лен. Гос. Университет
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія К. Биркенфельда (В. О., 8-я л., № 1)
1900

3233
Б. М.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5-го Іюня 1900 г.

Если придумать миръ назадъ мы были склонны видѣть свое настоящее въ освѣщеніи румяной зари, а будущее въ освѣщеніи полнаго дневного свѣта. Теперь мы рискнемъ признать все окружающее сумерками, предвѣщающими темную, долгую ночь быть и совсѣмъ безпросвѣтную ночь.

Н. К. Михайловскій („Русск. Мысл." №1, 1893 г. „Литература и жизнь").

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія Чеховъ снова появляется на горизонтѣ нашей литературы. Его послѣднія произведенія: разсказъ «Дама съ собачкой» [1]) и повѣсть «Въ оврагѣ» [2]), по силѣ оставляемаго ими впечатлѣнія, не уступятъ его прежнимъ лучшимъ произведеніямъ, шедеврамъ чеховскаго творчества, каковы «Скучная исторія» и «Палата № 6».

Разсказъ «Дама съ собачкой» написанъ въ вполнѣ выдержанномъ мопассановскомъ стилѣ, плюсъ нѣкоторыя вполнѣ самостоятельныя особенности таланта Чехова. Самая манера изложенія, реализмъ творчества, граціозность котораго доходитъ порой до цинизма, наконецъ самый подборъ фактовъ (напримѣръ, «паденіе» Анны Сергѣевны происходитъ подъ вліяніемъ обаятельной крымской природы; у Мопассана въ «Clair de lune» мы видимъ вполнѣ аналогичный эпизодъ), — все это вмѣстѣ взятое изобличаетъ въ авторѣ истиннаго Мопассана, «но только съ русскою душой», вполнѣ своеобразнаго.

Главное и существенное различіе идейной сто-

---

[1]) «Русская Мысль». № 12, 1899 г.

[2]) «Жизнь». № 1, 1900 г.

роны творчества того и другого заключается въ генезисѣ ихъ міровоззрѣнія. Лучшія стороны человѣческой природы, которыя въ силу вещей остаются непроизводительными, безплодными, фактически, такъ сказать, ненужными и совершенно излишними, — приводятъ Чехова къ пессимизму. Пессимизмъ же Мопассана основанъ всецѣло на противоположномъ воззрѣніи. Мопассанъ вездѣ, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, старался низвести человѣка съ его возвышеннаго пьедестала, въ каждомъ на первый взглядъ возвышенномъ движеніи человѣческой души докапывался низменныхъ ея сторонъ. По выраженію одного изъ его біографовъ, онъ «разоблачалъ, раздѣвалъ животное похотливое, жестокое, жадное, прячущееся подъ цилиндры и изящные костюмы». Мопассанъ удѣлялъ все свое вниманіе почти исключительно вопросу о любви: психологія любви во всѣхъ ея формахъ составляетъ главнѣйшій элементъ мопассановскаго творчества.

Это основное различіе въ генезисѣ міровоззрѣнія Чехова и Мопассана указываетъ лишь на преобладающее теченіе въ творчествѣ каждаго изъ нихъ и конечно вовсе не исключаетъ возможности уклоненій въ ту или другую сторону. Въ этомъ именно смыслѣ мы и сказали, что разсказъ «Дама съ собачкой» написанъ въ мопассановскомъ стилѣ, притомъ вполнѣ выдержанномъ; особенности же таланта Чехова выражаются, главнымъ образомъ, въ мастерски нарисованной имъ картинѣ зарожденія любви въ одномъ изъ героевъ разсказа, Гуровѣ, — правда, любви поздней, на закатѣ дней, но на первый взглядъ даже психологически невозможной и не естественной въ этомъ

пошломъ, самодовольно-сытомъ, все испытавшемъ bon vivan'ѣ.

Разсказъ переноситъ насъ на южный берегъ Крыма... Гуровъ, (одинъ изъ представителей аристократического паразитизма) отъ излишней сытости и абсолютной праздности страдающій легкой формой эротоманіи,— проводитъ лѣто въ Ялтѣ, по обыкновенію скучая, за отсутствіемъ любовныхъ интрижекъ и амурныхъ развлеченій. На фонѣ ялтинской жизни появляется «дама съ собачкой» (Анна Сергѣевна), и завязывается знакомство, которое вскорѣ переходитъ въ романъ. Послѣ нѣкотораго пресыщенія, Гуровъ разстается съ Анной Сергѣевной: она уѣзжаетъ въ С. къ мужу, онъ — въ Москву. Дальнѣйшее дѣйствіе разсказа происходитъ то въ С., то въ Москвѣ, куда тайкомъ отъ мужа пріѣзжаетъ Анна Сергѣевна для свиданій съ Гуровымъ.

Гуровъ — москвичъ, по образованію филологъ, имѣетъ два дома, женатъ, но измѣняетъ своей супругѣ уже давно. Авторъ въ нѣсколькихъ штрихахъ довольно ярко обрисовываетъ личность своего героя. «Измѣнять онъ (Гуровъ) началъ уже давно, измѣнялъ часто и, вѣроятно, поэтому о женщинахъ отзывался почти всегда дурно и, когда въ его присутствіи говорили о нихъ, то онъ называлъ ихъ такъ: низшая раса! Ему казалось, что онъ достаточно наученъ горькимъ опытомъ, чтобы называть ихъ какъ угодно, но все же безъ «низшей расы» онъ не могъ бы прожить и двухъ дней. Въ обществѣ мужчинъ ему было скучно, не по себѣ, съ ними онъ былъ не разговорчивъ, холоденъ, но когда находился среди женщинъ, то чувствовалъ себя свободнымъ и зналъ,

о чемъ говорить съ ними и какъ держать себя; и даже молчать съ ними ему было легко. Въ его наружности, въ характерѣ, во всей его натурѣ было что-то привлекательное, неуловимое, что располагало къ нему женщинъ, манило ихъ; онъ зналъ объ этомъ, и самого его тоже какая то сила влекла къ нимъ»...

Эротическія наклонности Гурова особенно рѣзко обнаруживаются при первомъ знакомствѣ его съ Анной Сергѣевной. «...Когда дама (Анна Сергѣевна) сѣла за сосѣдній столъ, въ трехъ шагахъ отъ него, ему вспомнились разсказы о легкихъ побѣдахъ, о поѣздкахъ въ горы, — и соблазнительная мысль о скорой, мимолетной связи, о романѣ съ неизвѣстной женщиной, которой не знаешь по имени и фамиліи, вдругъ овладѣла имъ....» Дальнѣйшее поведеніе Гурова въ Ялтѣ только подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе.

Но было бы большой ошибкой считать Гурова грубымъ чувственникомъ, способнымъ лишь срывать цвѣты наслажденій. Напротивъ даже, если онъ и увлекаетъ женщинъ, то его искренняя нѣжность, мягкость и даже доброта играютъ при этомъ чуть ли не главную роль. Онъ не лишенъ также способности состраданія. Возвратясь домой послѣ перваго свиданія съ Анной Сергѣевной, онъ вспомнилъ, что «она еще такъ недавно была институткой, училась, все равно какъ теперь его дочь, — вспомнилъ, сколько еще несмѣлости, угловатости было въ ея смѣхѣ, въ разговорѣ съ незнакомымъ, — должно быть, это первый разъ въ жизни она была одна, въ такой обстановкѣ, когда за ней ходятъ и на нее смотрятъ и говорятъ съ ней только съ одной тайной цѣлью, о

которой она не можетъ не догадываться. Вспомнилъ онъ ея тонкую слабую шею, красивые сѣрые глаза. Что-то въ ней есть жалкое все-таки! подумалъ онъ и сталъ засыпать».

Гуровъ и Анна Сергѣевна—люди почти обыкновенные. Но у перваго его роль самца выступаетъ какъ-то особенно рельефно и вообще весь онъ выглядитъ несравненно низменнѣе и пошлѣе. Послѣдняя, наоборотъ, на всемъ протяженіи разсказа является въ наиболѣе выгодномъ для нея свѣтѣ. Ея измѣна мужу обусловливается далеко не чувственной разнузданностью. Связь съ Гуровымъ не даетъ ей никакого удовлетворенія, напротивъ постоянно тяготитъ и вноситъ еще болѣе горечи въ ея безпросвѣтную жизнь: «грѣхъ мнѣ гадокъ», говоритъ она.

Ея натура — источникъ глубокаго чувства, до времени подавляемаго и притупляемаго окружающею средой, но требующаго того или иного жизненнаго исхода. Не имѣя другого пути для своего развитія, оно цѣликомъ выливается въ сферу любви. Въ этомъ отношеніи особенно характерна ея краткая исповѣдь передъ предметомъ своего увлеченія.

«Я вышла замужъ и поѣхала съ мужемъ въ С. Живутъ же другіе въ провинціи, отчего мнѣ не жить? Но мнѣ С. сталъ противенъ съ первой же недѣли; какъ выгляну въ окно, а тамъ сѣрый заборъ, длинный, сѣрый заборъ, о, Боже мой!... Ложилась въ девять часовъ спать,—и только развлеченья, что въ три часа обѣдъ, а въ девять—спать... Когда я вышла замужъ, мнѣ было двадцать лѣтъ, меня томило любобытство, мнѣ хотѣлось чего-нибудь получше; вѣдь есть же, — говорила я себѣ, — другая жизнь. Хотѣ-

лось пожить! Пожить и пожить!... Любопытство меня жгло... Вы этого не понимаете, но, клянусь Богомъ, я уже не могла владѣть собой, со мной что-то дѣлалось, меня нельзя было удержать, я сказала мужу, что больна, и поѣхала сюда... И здѣсь все ходила, какъ въ угарѣ, какъ безумная... и вотъ я стала пошлой, дрянной женщиной, которую всякій можетъ презирать»...

Гуровъ завязываетъ интригу въ силу низшихъ физіологическихъ побужденій своей натуры, между тѣмъ Анна Сергѣевна отдается ему всецѣло, всѣмъ существомъ своимъ, со всею силою любви молодого еще неопытнаго сердца. Изъ пошловатаго прожигателя жизни (какимъ является Гуровъ въ первой половинѣ разсказа) она создаетъ себѣ фантомъ, дополняя грустную дѣйствительность идеальной мечтой. «Она все время называла его добрымъ, необыкновеннымъ, возвышеннымъ; очевидно, онъ казался ей не тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ», замѣчаетъ авторъ и немного позднѣе, описывая московскую жизнь своего героя, прибавляетъ: «если бы она видѣла, какъ онъ выходилъ изъ ресторана красный, мрачный, недовольный, то быть можетъ поняла бы, что въ немъ нѣтъ ничего возвышеннаго и необыкновеннаго»...

Въ этомъ ужасномъ, вопіющемъ несоотвѣтствіи ея идеальныхъ стремленій съ дѣйствительной жизнью, въ ея постоянной неудовлетворенности, въ ея безпомощности, въ этой необходимости отдаться чуть ли не первому встрѣчному самцу, чтобы хоть какъ-нибудь заполнить пустоту и безсмысленность своего существованія,—заключается глубокая жизненная траге-

дія; и нужно отдать справедливость автору, въ изображеніи этой трагедіи онъ не щадитъ впечатлительнаго читателя, бьетъ по нервамъ, превзойдя даже Мопассана, какъ психологіей персонажей разсказа, такъ, въ особенности, обыденностью и полной заурядностью сюжета. Гуровъ въ сущности вовсе не дурной человѣкъ, не злодѣй какой-нибудь, а между тѣмъ весь его романъ съ Анной Сергѣевной въ Ялтѣ оставляетъ по себѣ какое то гнетущее впечатлѣніе: слишкомъ уже ясно обнаружена авторомъ вся дѣйствительная сущность этого романа...

Когда наступилъ моментъ разлуки, Анна Сергѣевна отчасти даже обрадовалась. «Это хорошо, что я уѣзжаю: это сама судьба. Еще немного, и я увлеклась бы Вами серьезно. Васъ такъ легко полюбить! Но зачѣмъ любовь? Она разбила бы мою жизнь. Любить Васъ тайно, скрывать отъ всѣхъ—развѣ это не ужасно?.. Я буду о Васъ думать, вспоминать... Мы навсегда прощаемся, такъ нужно, потому что не слѣдовало бы вовсе встрѣчаться...»

Но оба они ошибались, думая, что разстаются навсегда...

Мы уже указывали на нѣкоторую двойственность таланта Чехова. Съ одной стороны, онъ, подобно Мопассану, иногда слишкомъ сгущаетъ краски въ изображеніи низменныхъ сторонъ человѣческой природы,— съ другой, наоборотъ, въ отдѣльныхъ моментахъ своего творчества—поднимается на высоту чистѣйшей поэзіи.

Въ отношеніяхъ Гурова къ Аннѣ Сергѣевнѣ, отношеніяхъ, истинная сущность которыхъ представляется намъ слишкомъ недвусмысленной, происхо-

дитъ теперь, по возвращеніи Гурова въ Москву, рѣшительный поворотъ. Гуровъ чувствуетъ, что жизнь безъ Анны Сергѣевны тягостна, скучна и прямо таки невыносима, чувствуетъ, что любитъ ее. Возникновеніе и дальнѣйшее развитіе этого чувства изображены авторомъ съ поразительнымъ талантомъ.

«Его (Гурова) уже томило сильное желаніе подѣлиться съ кѣмъ нибудь своими воспоминаніями. Но дома нельзя было говорить о своей любви, а внѣ дома—не съ кѣмъ. Не съ жильцами же и не въ банкѣ. И о чемъ говорить? Развѣ онъ любилъ тогда? Развѣ было что нибудь красивое, поэтическое или поучительное, или просто интересное въ его отношеніяхъ къ Аннѣ Сергѣевнѣ? И приходилось говорить неопредѣленно о любви, о женщинахъ; говорилъ онъ долго, просилъ спѣть что-нибудь, самъ пѣлъ, и никто не догадывался, въ чемъ дѣло, и только жена шевелила своими темными бровями и говорила: — тебѣ, Дмитрій, совсѣмъ не идетъ роль фата...

Однажды ночью, выходя изъ докторскаго клуба со своимъ партнеромъ, чиновникомъ, онъ не удержался и сказалъ: — если бы Вы знали, съ какой очаровательной женщиной я познакомился въ Ялтѣ! — Когда? — Этой осенью. Нельзя сказать, чтобы она была особенно красива, но впечатлѣніе она произвела на меня неотразимое. Я до сихъ поръ еще самъ не свой... Чиновникъ сѣлъ въ сани и поѣхалъ, но вдругъ обернулся и окликнулъ: Дмитрій Дмитріевичъ! — Что? — А давеча вы были правы: осетрина была не свѣжая!... Эти слова, такія обычныя, почему то вдругъ возмутили Гурова, показались ему унизительными, нечистыми... Какіе дикіе нравы, какія лица!... Что за

безтолковыя ночи, какіе неинтересные, незамѣтные дни!... Неистовая игра въ карты, обжорство, пьянство, ненужныя дѣла и разговоры все объ одномъ отхватываютъ на свою долю лучшую часть времени, лучшія силы, и въ концѣ концовъ остается какая то куцая, безкрылая жизнь, какая то чепуха, и уйти и бѣжать нельзя, точно сидишь въ сумасшедшемъ домѣ или въ арестанскихъ ротахъ!... Гуровъ не спалъ всю ночь и возмущался и затѣмъ весь день провелъ съ головной болью. И въ слѣдующую ночь онъ спалъ дурно, а все сидѣлъ въ постели и думалъ, или ходилъ изъ угла въ уголъ. Дѣти ему надоѣли, банкъ надоѣлъ, не хотѣлось никуда идти, ни о чемъ говорить. А въ ушахъ раздавались слова: осетрина была не свѣжая!...»

Подъ предлогомъ поѣздки въ Петербургъ по дѣламъ, Гуровъ уѣзжаетъ въ С. «Зачѣмъ? Онъ и самъ не зналъ хорошо... Ему хотѣлось повидаться съ Анной Сергѣевной и поговорить, устроить свиданіе, если можно...»

Встрѣчаются они случайно, въ городскомъ театрѣ...

И вотъ, когда онъ увидѣлъ ее теперь, послѣ долгой разлуки, онъ ясно понялъ, что на всемъ свѣтѣ нѣтъ для него человѣка ближе и дороже ея. «Она, затерявшаяся въ провинціальной толпѣ, эта маленькая женщина, ничѣмъ не замѣчательная, съ вульгарной лорнеткой въ рукахъ, наполняла теперь всю его жизнь, была его горемъ, радостью, единственнымъ счастьемъ, какого онъ желалъ для себя; и подъ звуки дрянного оркестра, дрянныхъ обывательскихъ скрипокъ, онъ думалъ о томъ, какъ она хороша, думалъ о своей любви и мечталъ...»

Строки, изображающія ихъ встрѣчу въ театрѣ и тѣ противорѣчивыя чувства, которыя взволновали Анну Сергѣевну (радость и страхъ, мольба и любовь)— это перлы истинной поэзіи. Здѣсь талантъ автора достигаетъ титанической мощи.

Анна Сергѣевна начала пріѣзжать въ Москву...

Постараемся сдѣлать нѣкоторые выводы относительно общей руководящей идеи разсмотрѣннаго произведенія.

Въ сущности, мы имѣемъ здѣсь дѣло, какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ Чехова, съ послѣдовательно проведеннымъ пессимистическимъ міровоззрѣніемъ. Но пессимизмъ автора находится, если можно такъ выразиться, въ скрытомъ состояніи, и только тщательный анализъ внутренней сущности фактовъ, составляющихъ фабулу разсказа, можетъ явиться нѣкоторымъ подтвержденіемъ высказаннаго нами сужденія (на первый взглядъ, быть можетъ, нѣсколько апріорнаго).

Если разсматривать первую часть разсказа совершенно самостоятельно, то, врядъ ли могутъ возникнуть какія-либо сомнѣнія относительно основной пессимистической идеи, правда, глубоко скрытой подъ ледяной корой авторскаго индифферентизма, значительно замаскированной объективной формой изложенія. Предъ нами рисуется симпатичный образъ молодого, довѣрчиваго существа, далѣе — роковая необходимость, толкающая это существо въ объятія филистера 96 пробы, жупра и эротомана, жалкой

каррикатуры печоринскаго типа. Во второй части разсказа мы видимъ якобы торжество любви надъ препятствіями окружающей рутины и прозы жизни. Но вѣдь сущность этой любви слишкомъ безпощадно обнаружена авторомъ съ первыхъ же строкъ разсказа. Для Анны Сергѣевны любовь—лишь компромиссъ съ жизнью, лишь палліативъ, дающій забвеніе, усыпляющій сознаніе, но не разрѣшающій неопредѣленныхъ стремленій и идеальныхъ порывовъ ея юности, въ основаніи которыхъ, по нашему мнѣнію, лежатъ не только причины физіологическаго свойства.

Въ этой эгоистической любви, выросшей на почвѣ праздности, нѣтъ ничего утѣшительнаго и отраднаго, и намъ кажется, авторъ постигнулъ всю глубокую безотрадность (съ соціальной точки зрѣнія) этой любви, если не путать анализа, то стихійною силою интуиціи, и, вѣроятно, потому такъ внезапно оборвалъ свой разсказъ...

Но еще рѣзче, уже ничѣмъ рѣшительно не прикрашенная, во всей своей наготѣ, безъ маски индифферентизма, основная пессимистическая идея выступаетъ въ послѣднемъ произведеніи Чехова, повѣсти «Въ оврагѣ».

Предъ нами сразу встаетъ во весь свой гигантскій ростъ творецъ «Скучной исторіи» и «Палаты № 6».

Та же скорбная нотка безнадежнаго пессимизма, та же безпощадная иронія въ обрисовкѣ окружающей жизни проходитъ красной нитью черезъ всю повѣсть, съ первыхъ же строкъ оставляя по себѣ неизгладимое, душу гнетущее впечатлѣніе...

«Въ оврагѣ» переноситъ насъ въ совершенно

иную жизненную сферу, по своей сущности являющуюся полнымъ отрицаніемъ той атмосферы барства, которую мы наблюдали въ «Дамѣ съ собачкой».

«Село Уклеево лежало въ оврагѣ, такъ что съ шоссе и со станціи желѣзной дороги видны были только колокольни и трубы ситце-набивныхъ фабрикъ. Когда прохожіе спрашивали, какое это село, то имъ говорили: это то самое, гдѣ дьячокъ на похоронахъ всю икру съѣлъ.

Какъ то на поминкахъ фабриканта Костюкова старикъ дьячокъ увидѣлъ среди закусокъ зернистую икру и сталъ ѣсть ее съ жадностью; его толкали, дергали за рукавъ, но онъ словно окоченѣлъ отъ наслажденія; ничего не чувствовалъ и только ѣлъ. Съѣлъ всю икру, а въ банкѣ было фунта четыре. И прошло ужъ много времени съ тѣхъ поръ, дьячокъ давно умеръ, а про икру все помнили. Жизнь ли была такъ бѣдна здѣсь, или люди не умѣли подмѣтить ничего, кромѣ этого неважнаго событія, происшедшаго десять лѣтъ назадъ, а только про село Уклеево ничего другого не разсказывали.

Въ немъ не переводилась лихорадка и была топкая грязь даже лѣтомъ, особенно подъ заборами, надъ которыми сгибались старыя вербы, дававшія широкую тѣнь. Здѣсь всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой, которую употребляли при выдѣлкѣ ситцевъ. Фабрики, — три ситцевыхъ и одна кожевенная—находились не въ самомъ селѣ, а на краю и поодаль. Это были небольшія фабрики, и на всѣхъ ихъ было занято около четырехсотъ рабочихъ, не больше. Отъ кожевенной фабрики вода въ рѣкѣ часто становилась вонючей; отбросы заражали лугъ, крестьян-

скій скотъ страдалъ отъ сибирской язвы, и фабрику приказано было закрыть. Она считалась закрытой, но работала тайно съ вѣдома становаго пристава и уѣзднаго врача, которымъ владѣлецъ платилъ по десяти рублей въ мѣсяцъ.

Всѣ три ситцевыхъ фабрики и квартиры фабрикантовъ были соединены телефономъ. Провели телефонъ и въ волостное правленіе, но тамъ онъ скоро пересталъ дѣйствовать, такъ какъ въ немъ завелись клопы и пруссаки. Волостной старшина былъ малограмотенъ и въ бумагахъ каждое слово писалъ съ большой буквы, но когда испортился телефонъ, то онъ сказалъ: да, теперь намъ безъ телефона будетъ трудновато.

Во всемъ селѣ было только два порядочныхъ дома, каменныхъ, крытыхъ желѣзомъ; въ одномъ помѣщалось волостное правленіе, въ другомъ двухэтажномъ, какъ разъ противъ церкви, жилъ Цыбукинъ, Григорій Петровъ, епифанскій мѣщанинъ.

Григорій держалъ бакалейную лавочку, но это только для вида, на самомъ же дѣлѣ торговалъ водкой, скотомъ, кожами, хлѣбомъ въ зернѣ, свиньями, торговалъ, чѣмъ придется, и, когда, напримѣръ, за границу требовались для дамскихъ шляпъ сороки, то онъ наживалъ на каждой парѣ по тридцати копѣекъ; онъ скупалъ лѣсъ на срубъ, давалъ деньги въ ростъ, вообще былъ старикъ оборотливый».

Въ селѣ Цыбукинъ пріобрѣлъ репутацію жестокаго эксплуататора: прода-кровопійцы. Въ видѣ иллюстраціи его эксплуататорскихъ наклонностей приведемъ слѣдующій случай. Къ свадьбѣ старшаго сына, Анисима, двумъ портнихамъ Цыбукинъ заказалъ

платья для жены и невѣстки. «Когда портнихи кончили, то онъ заплатилъ имъ не деньгами, а товаромъ изъ своей лавки, и онѣ ушли отъ него грустныя, держа въ рукахъ узелки со стеариновыми свѣчами и сардинами, которыя были имъ совсѣмъ не нужны, и, выйдя изъ села въ поле, сѣли на бугорокъ и стали плакать...»

У Цыбукина — два сына. Младшій, Степанъ, живетъ при отцѣ и помогаетъ ему въ торговлѣ, вмѣстѣ съ женой своей, Аксиньей; старшій, Анисимъ,—въ городѣ, служитъ въ сыщикахъ.

Самъ Цыбукинъ былъ вдовъ, но вскорѣ послѣ свадьбы младшаго сына, женился вторично. Его вторая жена, Варвара, своимъ появленіемъ въ домѣ Цыбукиныхъ вноситъ нѣкоторый лучъ свѣта въ это темное царство зла и неправды. «Въ томъ, что она подавала милостыню, было что то новое, что то веселое и легкое... Когда въ табельные дни или въ престольный праздникъ, который продолжался три дня, сбывали мужикамъ протухлую солонину съ такимъ тяжкимъ запахомъ, что трудно было стоять около бочки, и принимали отъ пьяныхъ въ закладъ косы, шапки, женины платки, когда въ грязи валялись фабричные, одурманенные плохой водкой, и грѣхъ, казалось, сгустившись, уже туманомъ стоялъ въ воздухѣ, тогда становилось какъ-то легче при мысли, что тамъ, въ домѣ, есть тихая, опрятная женщина, которой нѣтъ дѣла ни до солонины, ни до водки; милостыня ея дѣйствовала въ эти тягостные дни, какъ предохранительный клапанъ въ машинѣ...»

Личность Анисима, старшаго сына Цыбукина,

представляетъ значительный интересъ по своей психологической сущности. Въ обрисовкѣ этого характера авторъ дѣлаетъ смѣлую попытку разрѣшить весьма важную психологическую проблему относительно первичныхъ стимуловъ, опредѣляющихъ въ томъ или иномъ направленіи нравственную дѣятельность человѣка. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ заслуживающей особеннаго вниманія прощальную бесѣду Анисима съ Варварой, передъ его отъѣздомъ въ городъ, эту замѣчательную страничку экспериментальной психологіи.

«Живемъ мы хорошо,—начала Варвара,—всего у насъ много, и свадьбу твою сыграли порядкомъ, правильно; старикъ сказывалъ: двѣ тысячи пошло. Однимъ словомъ, живемъ, какъ купцы, только вотъ скучно у насъ. Ужъ очень народъ обижаемъ. Сердце мое болитъ, обижаемъ какъ—и Боже мой! Лошадь ли мѣняемъ, покупаемъ ли что, работника ли нанимаемъ—на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. Постное масло въ лавкѣ горькое, тухлое, у людей деготь лучше. Да нешто, скажи на милость, нельзя хорошимъ масломъ торговать?

— Кто къ чему приставленъ, мамаша.

— Да вѣдь умирать надо?... На томъ свѣтѣ такъ тебѣ и станутъ разбирать, кто къ чему приставленъ. У Бога судъ праведный.

— Конечно, никто не станетъ разбирать,—сказалъ Анисимъ и вздохнулъ. — Бога то, все равно, нѣтъ, мамаша. Чего ужъ тамъ разбирать!

Варвара посмотрѣла на него съ удивленіемъ и засмѣялась, и всплеснула руками. Оттого, что она такъ искренно удивилась его словамъ и смотрѣла на него, какъ на чудака, онъ смутился.

— Богъ, можетъ, и есть, а только вѣры нѣтъ,— сказалъ онъ.—Когда меня вѣнчали, мнѣ было не по себѣ. Какъ вотъ возьмешь изъ подъ курицы яйцо, а въ немъ цыпленокъ пищитъ, такъ во мнѣ совѣсть вдругъ запищала, и, пока меня вѣнчали, я все думалъ: есть Богъ! А какъ вышелъ изъ церкви — и ничего! Да и откуда мнѣ знать, есть Богъ или нѣтъ? Насъ съ малолѣтства не тому учили, и младенецъ еще мать сосетъ, а его только одному и учатъ: кто къ чему приставленъ. Папаша вѣдь тоже въ Бога не вѣруетъ. Вы какъ-то сказывали, что у Гонтаревыхъ барановъ угнали... Я нашелъ: это шикаловскій мужикъ укралъ; онъ укралъ, а шкурки то у папаши... Вотъ вамъ и вѣра!...

Анисимъ подмигнулъ глазомъ и покачалъ головой.

— И старшина тоже не вѣритъ въ Бога,—продолжалъ онъ, — и писарь тоже, и дьячокъ тоже. А ежели они ходятъ въ церковь и посты соблюдаютъ, такъ это для того, чтобы люди про нихъ худо не говорили и на тотъ случай, что можетъ и въ самомъ дѣлѣ страшный судъ будетъ... Я такъ, мамаша, понимаю, что все горе оттого, что совѣсти мало въ людяхъ... Я вижу насквозь, мамаша, и понимаю. Ежели у человѣка рубаха краденая, я вижу. Человѣкъ сидитъ въ трактирѣ, и вамъ такъ кажется, будто онъ чай пьетъ и больше ничего, а я, чай то чаемъ, вижу еще, что въ немъ совѣсти нѣтъ. Такъ цѣлый день ходишь—и ни одного человѣка съ совѣстью. И вся причина, потому что не знаютъ, есть Богъ или нѣтъ...»

Эта неувѣренность въ своихъ догматахъ, какой-то безсознательный атеизмъ, все это столь откро-

вепно провозглашенное profession de foi, безъ маски обычнаго лицемѣрія,—какъ нельзя лучше обрисовываютъ нравственную физіогномію Анисима, филистера съ ногъ до головы.

Принципъ «кто къ чему приставленъ» — основной руководящій принципъ массы; онъ является краеугольнымъ камнемъ филистерскаго міровоззрѣнія.

Характерное свойство филистера — его способность жить въ противорѣчіи, не чувствуя того глубокаго, чудовищнаго разлада, который необходимо долженъ существовать между исповѣдуемыми догматами и логическими выводами изъ нихъ, съ одной стороны, и поведеніемъ практической жизни, съ другой.

Съ этой точки зрѣнія личность Анисима представляется намъ наиболѣе прогрессивнымъ типомъ филистера, благодаря способности его путемъ послѣдовательнаго мышленія философски обосновать, дать нравственное оправданіе своимъ поступкамъ.

Хотя Анисимъ и совершаетъ преступленіе, но причину этого преступленія нужно искать не въ зломъ направленіи воли, а въ чисто случайныхъ условіяхъ внѣшней жизни, да въ нѣкоторой слабохарактерности его, способности поддаваться чужому вліянію.

Милліоны подобныхъ же людей, обладая еще съ колыбели всѣмъ, къ чему такъ стремится филистерская натура Анисима, живутъ не только не совершая преступленій, но даже пользуясь глубокими симпатіями окружающихъ....

Но настоящей героиней является Аксинья, жена Степана.

Въ сущности, на всемъ протяженіи повѣсти нѣтъ

Пен. Гос. Ун-т
им. Горького

такихъ типовъ, такихъ явленій, на которыхъ можно было бы остановиться съ нѣкоторымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ—нельзя же серьезно признать Варвару явленіемъ утѣшительнымъ: ея роль «предохранительнаго клапана», палліатива нисколько не содѣйствуетъ искорененію органическихъ причинъ окружающаго зла.

Но Аксинья—носительница злой воли, представительница злого начала par excellence...

Изъ второстепенныхъ персонажей заслуживаютъ нѣкотораго вниманія Липа и ея мать. Въ психологіи этихъ личностей авторъ съ поразительной очевидностью показалъ весь глубокій трагизмъ положенія альтруистическихъ натуръ, существованіе которыхъ въ современномъ обществѣ возможно лишь при условіи приспособленія къ средѣ, т. е. при полномъ подавленіи въ себѣ всѣхъ *истинно* альтруистическихъ стремленій, или же (что мы и видимъ въ упомянутыхъ литературныхъ типахъ) при условіи полной забитости, полнаго уничтоженія человѣческой личности, полнѣйшаго духовнаго рабства....

Необходимо еще указать слѣдующія важнѣйшія событія, составляющія содержаніе повѣсти: свадьба Аниcима, раскрытіе его преступленія, преступленіе Аксиньи, однако вовсе не регламентируемое, какъ таковое, и наконецъ, какъ апоѳеозъ повѣсти, окончательное торжество неправды въ лицѣ той же Аксиньи.

Въ описаніи свадьбы Аниcима отрицательное отношеніе автора къ выводимымъ имъ событіямъ и персонажамъ достигаетъ апогея своего развитія.

«Тутъ были духовенство, приказчики съ фабрикъ съ женами, торговцы и трактирщики изъ другихъ деревень. Волостной старшина и волостной писарь, служившіе вмѣстѣ уже четырнадцать лѣтъ и за все это время не подписавшіе ни одной бумаги, не отпустившіе изъ волостнаго правленія ни одного человѣка безъ того, чтобы не обмануть и не обидѣть, сидѣли теперь рядомъ, оба толстые, сытые, и казалось, что они уже до такой степени пропитались неправдой, что даже кожа на лицѣ у нихъ была какая то особенная, мошенническая...

Зашло солнце, а обѣдъ все еще продолжался; уже не понимали, что ѣли, что пили, нельзя было разслышать, что говорятъ, и только изрѣдка, когда затихала музыка, ясно было слышно, какъ на дворѣ кричала какая то баба: насосались нашей крови, ироды, пѣтъ на васъ погибели!

Вечеромъ были танцы подъ музыку. Пріѣхали Хрымины младшіе со своимъ виномъ, и одинъ изъ нихъ, когда танцовали кадриль, держалъ въ обѣихъ рукахъ по бутылкѣ, а во рту рюмку, и это всѣхъ смѣшило. Среди кадрили пускались вдругъ въ присядку. Плясала Варвара, а старикъ только помахивалъ платкомъ и перебиралъ каблучками, но тѣ, которые во дворѣ, навалясь другъ на другѣ, заглядывали въ окна, были въ восторгѣ и на минуту простили ему все—и его богатство, и обиды...

Все это кончилось поздно, во второмъ часу ночи... Старикъ, провожая гостей, говорилъ каждому: свадьба двѣ тысячи стоила...»

Заключеніе повѣсти исполнено глубокаго трагизма: старикъ Цыбукинъ окончательно усмиренъ, иногда

его забываютъ даже накормить. И въ прирученіи этого кулака, когда то бывшаго l'enfant terrible всего окружающаго, чувствуется нѣчто глубоко трагическое...

Однако было бы совершенно ошибочнымъ въ томъ двойномъ возмездіи, въ той двойной карѣ, которая постигаетъ отца и сына (униженіе старика и ссылка въ каторжныя работы Анисима) усматривать торжество справедливости.

Какъ отецъ, такъ и сынъ не столько активно виновны (отецъ — по отношенію къ эксплуатируемымъ имъ крестьянамъ), сколько являются продуктами своей среды; даже самый тщательный анализъ психологической физіономіи обѣихъ этихъ личностей не обнаружилъ бы въ нихъ элементовъ злой воли.

Настоящее зло кроется въ личности Аксиньи; а оно то и остается безнаказаннымъ.

«Хозяиномъ считается, какъ и прежде, старикъ, на самомъ же дѣлѣ все перешло въ руки Аксиньи; она и продаетъ, и покупаетъ, и безъ ея согласія ничего нельзя сдѣлать... Въ селѣ говорятъ про Аксинью, что она забрала большую силу; и правда, когда она утромъ ѣдетъ къ себѣ на заводъ, съ наивной улыбкой, красивая, счастливая, и когда потомъ распоряжается на заводѣ, то чувствуется въ ней большая сила. Ее всѣ боятся и дома, и въ селѣ, и на заводѣ. Когда она приходитъ на почту, то начальникъ почтоваго отдѣленія вскакиваетъ и говоритъ ей: покорнѣйше прошу садиться, Ксенія Абрамовна!»...

Если въ «Мужикахъ» многіе склонны были усматривать какую то идею превосходства городской жизни

Въ этомъ нагломъ спокойствіи Аксиньи, совершенно забывшей о своемъ преступленіи, сознающей свою силу и обаяніе, во всемъ этомъ тихо подкравшемся, почти незамѣтномъ по своей обыденности торжествѣ зла заключается настоящій смертный приговоръ всему общественному строю нашей жизни.

надъ деревенской дикостью и некультурностью, то «Въ оврагѣ» не можетъ дать повода къ подобнымъ недоразумѣніямъ(городская жизнь доводитъ Анисима до преступленія).

Здѣсь все гнило, здоровыхъ элементовъ нѣтъ...
Lasciate ogni speranza...

Несмотря на всѣ рукоплесканія, которыя раздаются по адресу отдѣльныхъ произведеній Чехова, этотъ колоссальный талантъ при всей поразительной ясности, при всей кристаллической прозрачности своего творчества остается совершенно непонятымъ современной критикой. Произведенія его комментируются на всѣ лады, имъ навязываются различныя идеи, но правильной оцѣнки, правильнаго пониманія мы не видимъ даже въ средѣ поклонниковъ его таланта.

Нѣкоторые критики, констатируя въ произведеніяхъ Чехова отсутствіе «общей идеи», доходятъ до полнаго отрицанія идейной стороны чеховскаго творчества. Произведенія, дескать, написаны лишь потому, что авторъ страдаетъ необыкновенной впечатлительностью: ему все равно, чтобы ни описывать.

Но если подобный скептицизмъ является нѣсколько умѣстнымъ, находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ первыхъ, болѣе раннихъ произведеніяхъ Чехова, въ которыхъ индифферентное отношеніе автора къ выводимымъ событіямъ и персонажамъ нѣсколько маскируетъ его личныя симпатіи и антипатіи, то позднѣйшія болѣе зрѣлыя произведенія совершенно исключаютъ возможность всякихъ упрековъ въ безличности.

Въ сущности, для оцѣнки многихъ произведеній Чехова необходимо примѣнить тотъ же методъ, который примѣняется къ нѣкоторымъ произведеніямъ Ибсена. Ихъ нужно разсматривать во всей ихъ совокупности, какъ однородное цѣлое.

При такой точкѣ зрѣнія даже въ первыхъ, раннихъ произведеніяхъ Чехова можно усмотрѣть нѣкоторые задатки, нѣкоторыя сѣмена того міровоззрѣнія, которое окончательно сложилось, вылилось въ опредѣленную форму безнадежнаго пессимизма значительно позднѣе.

Разверните его «Пестрые разсказы», «Разсказы» и другія болѣе молодыя произведенія. И здѣсь, даже въ самыхъ веселенькихъ эпизодахъ, чувствуется какая то скрытая скорбь, скрытое страданіе за униженную человѣческую личность.

Во сборникахъ разсказовъ «Въ сумеркахъ» и «Хмурые люди» эти пессимистическія нотки звучатъ уже болѣе могучимъ аккордомъ. Вотъ — гимназистъ, стрѣляющійся отъ какого-то непреоборимаго taedium vitae; вотъ — нянька, убивающая ввѣреннаго ей младенца, чтобы имѣть возможность выспаться; вотъ — юноша, котораго преслѣдуетъ idée fixe, что «живая» душа публичной женщины продается за одинъ рубль, и т. д., и т. д.

Мы уже не говоримъ о такихъ шедеврахъ художественнаго творчества, какъ «Скучная исторія» и «Палата № 6»; эти произведенія написаны ихъ творцомъ «кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ».

Но возьмите самыя поздніе произведенія Чехова: трилогію «Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ»,

«О любви», разсказы «Іонычъ», «Случай изъ практики», «Новая дача», «По дѣламъ службы» и, какъ послѣднее слово всего, разсмотрѣнную нами повѣсть «Въ оврагѣ» — здѣсь оскорбленное альтруистическое чувство автора уже выступаетъ изъ береговъ индифферентизма, бьетъ полной струей.

Трудно подыскать болѣе глубокіе драматическіе сюжеты въ обыденной жизни.

Въ «Человѣкѣ въ футлярѣ» [1]) авторъ рисуетъ манекена, механически отправляющаго свои жизненныя функціи, доведеннаго до такого состоянія рутиной окружающей среды и въ свою очередь также деморализующе вліяющаго на окружающихъ.

Въ «Іонычѣ» [2]) и «Крыжовникѣ» [3]) мы видимъ жестокое посмѣяніе филистерскаго счастья, всѣхъ завѣтныхъ стремленій и надеждъ, всѣхъ добродѣтелей филистеровъ, безжалостное поруганіе всѣхъ буржуазныхъ идеаловъ, безпощадное бичеваніе самодовольносытой посредственности.

А какая ужасная трагедія разыгрывается въ третьей части трилогіи! Весь глубокій трагизмъ заключается не въ неудовлетворенной любви, а въ томъ, что сама эта любовь является лишь слабымъ оттолоскомъ, слабымъ отраженіемъ глубокой альтруистической сущности натуръ обоихъ влюбленныхъ, задавленныхъ и почти ассимилированныхъ окружающею средою.

«Случай изъ практики» [4])—одно изъ выдающихся

---

[1]) «Русская Мысль», № 7, 1898 г.
[2]) Литературныя приложенія «Нивы» за 1898 г.
[3]) «Русская Мысль», № 8, 1898 г.
[4]) «Русская Мысль». № 12, 1898 г.

произведеній Чехова по глубинѣ своей основной идеи, по своей философіи взаимныхъ человѣческихъ отношеній.

Съ какой ужасной, бьющей по нервамъ очевидностью показана авторомъ вся чудовищность и жестокость, вся безсмысленность и непужность человѣческаго страданія!

Безпощадный реализмъ и, какъ логическое слѣдствіе его, безнадежный пессимизмъ — въ этомъ и заключается, на нашъ взглядъ, основная формула чеховскаго творчества.

Чеховъ — сынъ нашего времени; онъ носитъ въ себѣ всѣ скорби и печали его. Пессимизмъ Чехова — это задавленное въ своемъ развитіи глубокое альтруистическое чувство.

Люди мелкіе, дюжинные, филистерскаго пошиба находятъ приложеніе своимъ мелко-альтруистическимъ стремленіямъ въ узкой сферѣ какихъ либо интересовъ. Подобно кротамъ въ своей норѣ, они не видятъ ничего за предѣлами отмежеваннаго себѣ маленькаго мірка, а потому и не чувствуютъ всей фальши, не понимаютъ всей логической несообразности своего положенія.

Жить въ противорѣчіи — удѣлъ филистеровъ. Высшія альтруистическія натуры, видящія сущность вещей (или хотя бы инстиктивно постигающія ее благодаря своей врожденной чуткости, какъ Чеховъ)

не могутъ мириться съ этимъ удѣломъ. Онѣ не могутъ чувствовать себя удовлетворенными въ служеніи злу, качественно уменьшающемуся; между тѣмъ эволюція историческаго прогресса представляетъ ничто иное, какъ медленное и постепенное качественное уменьшеніе зла . . . . . .

Кіевъ. Апрѣль 1900 г.

Пессимистическое міровоззрѣніе, выразителемъ котораго является Чеховъ, — знаменіе нашего времени. Оно составляетъ такую же законную стадію въ эволюціи русской мысли, какъ и либеральное міровоззрѣніе 60-ыхъ и 70-ыхъ годовъ (считая всѣ оттѣнки либерализма — отъ умѣреннаго до самаго краснаго). Оно проистекаетъ не изъ временныхъ остановокъ отечественнаго прогресса („историческихъ передышекъ" — по выраженію одного либеральнаго критика), а изъ самой природы вещей.

Пессимистическое міровоззрѣніе нашего времени питаетъ свои корни въ томъ убѣжденіи, что причины соціальнаго зла заключаются не въ тѣхъ или иныхъ общественныхъ и правовыхъ нормахъ, но въ психической структурѣ современнаго человѣка — разумѣемъ классовый эгоизмъ*)...

Здоровыхъ элементовъ, которые носили бы въ себѣ хотя зерно истинныхъ началъ общественности, — пока не обозначается на фонѣ отечественной жизни...

Только пролетаріевъ, организованныхъ для борьбы, мы готовы признать здоровыми элементами, между тѣмъ самая возможность организованной борьбы подразумѣваетъ обладаніе необходимыми политическими правами...

Способствовать количественному и духовному росту пролетаріата вовсе

*) Въ современномъ обществѣ каждый обреченъ на служеніе — активное или пассивное — тому общественному классу, къ которому принадлежитъ по способу своего существованія. Это — ближайшія причины соціальнаго зла; съ устраненіемъ классовой борьбы выступаютъ уже иныя.

Примѣчаніе автора.

не значитъ способствовать созданію здоровыхъ элементовъ, такъ какъ одновременно съ процессомъ роста пролетаріата наблюдается параллельный процессъ усиленія и количественнаго наростанія элементовъ, враждебныхъ пролетаріяту, благодаря все-большему накопленію богатства (создаваемаго пролетаріятомъ) въ рукахъ господствующаго класса...

Въ то время какъ западно-европейскій пролетаріатъ имѣетъ своимъ союзникомъ буржуазію при ниспроверженіи абсолютизма, при завоеваніи политическихъ правъ — горсти отечественныхъ пролетаріевъ противопоставляется союзъ всѣхъ прочихъ элементовъ современной русской жизни...

Съ точки зрѣнія современной дѣйствительности нельзя даже предвидѣть тѣхъ путей отечественнаго прогресса, по которымъ можетъ наступить грядущее торжество справедливости......

Жизнь западной Европы даетъ картину совершенно иныхъ условій. Тамъ, благодаря широко развитому классовому самосознанію пролетаріевъ, представляется вполнѣ возможной организованная борьба на экономической почвѣ въ формѣ кооперацій, которая, опираясь на извѣстныя незыблемыя правовыя нормы и такимъ образомъ не имѣя внѣшнихъ препятствій для своего развитія, служитъ зачаткомъ будущаго коллективистскаго строя: элементы, враждебные пролетаріяту, постепенно будутъ вытѣснены по мѣрѣ наростанія капитала кооперативныхъ пролетарскихъ организацій, по мѣрѣ пополненія арміи организованныхъ пролетаріевъ — пролетаріями неорганизованными. И это единственно возможный путь!...

Однако коллективистскій строй не можетъ быть признанъ идеальнымъ общественнымъ строемъ, такъ какъ послѣ разрушенія классовыхъ перегородокъ и сліянія классовъ — личность подпадетъ гнету общества, общество получитъ неограниченную власть надъ индивидуумомъ (въ современномъ обществѣ эта власть значительно парализуется классовой враждой).

Историческое разрѣшеніе экономическихъ проблемъ путемъ сліянія классовъ вызоветъ наступленіе новыхъ, еще болѣе жгучихъ, болѣе ужасныхъ проблемъ психологическихъ — борьба высшихъ натуръ съ филистерами. Исходъ этой борьбы предугадать невозможно, и въ этомъ — трагическая сторона существованія современнаго человѣка.

. . . .

За произведеніями Чехова мы признаемъ глубокое воспитательное значеніе, если только обладаніе истиной признать конечной цѣлью воспитанія.

Пусть въ своихъ представленіяхъ о справедливости, въ своихъ этическихъ воззрѣніяхъ онъ не идетъ далѣе воззрѣній

[illegible]

представленія о діаметрально противоположныхъ классовыхъ интересахъ, которые въ конечномъ о… не могутъ быть примирены путемъ какихъ-ли… компромиссовъ, пусть ...., — все же онъ в… ядъ сомнѣнія, расшатываетъ въ самомъ основа… всѣ устои филистерской этики, будитъ ма… покрытую плѣсенью рутины, мутитъ, хотя съ поверхности стоячую воду окружающаго болота современной жизни....

Кіевъ. Апрѣль 1900 г.

Лен. Гос. Ун т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

[Бок]

Цѣна 25 коп.